

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2015

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В РОССИИ XIX—XX ВЕКОВ	
А. А. Панченко, К. А. Богданов. «Теории заговора», история культуры и русская литература	8
К. А. Богданов, И. Г. Юнг-Штилинг в России: религиозный интернационал, духовная география и миражи конспирологии	14
И. А. Кравчук. «Сок народа»: конструируя раскольников	27
В. Ю. Вьюгин. Роман о зайцах и советский канон (конспирологическая морфология периферийного текста)	42
А. И. Разувалова. Конспирологический сюжет в «Последней ступени» В. А. Солоухина: манифест, откровение, инструмент культурно-политической самолегитимации	55

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. А. Костин, М. В. Ломоносов — читатель эмблематических книг (к постановке проблемы)	69
К. А. Баршт. Жизнь писателя как предлог сюжета (о криптографическом аспекте «Села Степанчиково» Ф. М. Достоевского)	72
С. Н. Гуськов. Низвержение «литературного генерала» в газете платных объявлений	88
С. В. Мельникова. Образ приходского священника в русской беллетристике XIX века: вариации на тему «маленького человека»	96
А. В. Устинов. Образ боярыни Морозовой в романе Д. Л. Мордовцева «Великий раскол»	105
Т. В. Мисникевич. «Основной» текст и вариант как проблема перевода («L'ombre des arbes dans la rivière embrouillée...» в творческом диалоге Федора Сологуба и Поля Верлена)	116
В. С. Измозик, М. И. Бенкендорф и Петроградская ЧК	128

Из архива О. Э. Мандельштама: Надежда Мандельштам. Письма родных (1921—1935) (публикация А. Г. Меца)	133
С. И. Субботин. «Freund, auf Wiederseh'n, auf Wiedersehen!..» (о забытом переводе стихотворения С. А. Есенина)	145
Л. В. Хачатурян. «Здесь, в небесах»: Новые технологии аутентичной публикации рукописей	148
Роман Лейбов (<i>Эстония</i>). Гармонисты во стане русских воинов: кроссжанровые перекодировки и трансляция литературного канона	153
А. Д. Клименко. К проблеме состава и композиции собраний сочинений Иосифа Бродского	166

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Р. Ю. Данилевский. Событие в лермонтоведении	180
Д. А. Петренко. Вести из Спасского-Лутовинова	182
Б. В. Аверин, Г. Н. Беляк. Путеводитель по лабиринтам Вячеслава Иванова	184
М. В. Михайлова. Лирическое переживание как основа основ	186

ХРОНИКА

М. Ю. Степина. Международная научная конференция «Т. Г. Шевченко и его время», посвященная 200-летию со дня рождения писателя	189
Н. Г. Комелина. Научная конференция «Образ Первой мировой войны в русской литературе и фольклоре»	190
Л. Л. Ермакова. Международная научная конференция «Вячеслав Иванов и дионисийство: disputatio metaphysica et culturalis»	194
С. В. Денисенко. Вторая Апрельская международная междисциплинарная научная конференция «Все восторги мира: экстаз в литературе и искусстве»	196
Е. Д. Конусова. XXXIX Малышевские чтения.	201
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2015 году	205

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

Н. А. БОГОМОЛОВ, С. Г. БОЧАРОВ, М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО,
Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНЯК, Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ, Дж. МАЛМСТАД,
Ж. НИВА, Дж. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН

Главный редактор В. Е. БАГНО

Редакционная коллегия:

М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ,
А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, М. В. ОТРАДИН,
А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

RUSSKAYA LITERATURA

№ 4

Historical and Literary Studies

2015

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
CONSPIRATORIAL NARRATIVES IN RUSSIA, 19—20TH CENTS.	
A. A. Panchenko, K. A. Bogdanov. «Conspiracy Theories», Cultural History and Russian Literature	8
K. A. Bogdanov. J. H. Jung-Stilling in Russia: Religious International, Spiritual Geography and Mirages of Conspiracism	14
I. A. Kravchuk. «The Lifeblood of the People»: Constructing the Raskolniks	27
V. Y. Vyugin. A Novel about Rabbits and the Soviet Canon (Conspiratorial Morphology of a Peripheral Text)	42
A. I. Razuvalova. The Conspiratorial Storyline in V. A. Soloukhin's <i>Last Step: A Manifest, a Revelation, an Instrument of Cultural and Political Self-Legitimization</i>	55

RELEASES AND REPORTS

A. A. Kostin. M. V. Lomonosov, the Reader of Emblematic Books (on Formulating the Problem)	69
K. A. Barsht. A Writer's Life as an Excuse for Telling a Story (On the Cryptographic Aspect of F. M. Dostoyevsky's <i>The Village of Stepanchikovo</i>)	72
S. N. Guskov. The Demise of the «Literary General» in a Personal Ads Newspaper	88
S. V. Melnikova. A Parish Priest as a Character of the Russian 19th Century Fiction: A Variation on the «Little Man» Theme	96
A. V. Ustinov. Boyarynya Morozova as the Character of D. L. Mordovtsev's Novel <i>The Great Schism</i>	105
T. V. Misnikevich. The «Principal» Text and its Version as a Translator's Challenge («L'ombre des arbes dans la rivière embrumée...» in the Creative Dialogue of Fyodor Sologub and Paul Verlaine)	116
V. S. Izmozik. M. I. Benkendorf and the Petrograd Cheka	128

From O. Mandelstam's Archives: Nadezhda Mandelstam. Letters from the Family (1921—1935) (Published by A. G. Mets)	133
S. I. Subbotin. «Freund, auf Wiederseh'n, auf Wiedersehen!..» (On a Forgotten Translation of S. Yesenin's Poem)	145
L. V. Khachaturian. «Here, Up in Heaven»: New Technologies for Authentic Publication of Manuscripts	148
Roman Leybov (<i>Estonia</i>). Concertinists in the Russian Military Camp: Cross-Genre Re-Coding and Transmission of the Literary Canon	153
A. D. Klimenko. On the Contents and Composition of Joseph Brodsky's Collected Works	166

REVIEWS

R. Y. Danilevsky. A Breakthrough in Lermontov Studies	180
D. A. Petrenko. News from Spasskoye-Lutovinovo	182
B. V. Averin, G. N. Belyak. A Guidebook on Vyacheslav Ivanov's Mazes	184
M. V. Mihailova. A Lyrical Experience as a Keystone	186

NEWSREEL

M. Y. Stepina. <i>T. G. Shevchenko and His Time</i> , an International Research Conference Dedicated to the Writer's 200s Anniversary	189
N. G. Komelina. <i>The Reflection of the World War I in the Russian Literature and Folklore</i> Research Conference	190
L. L. Ermakova. <i>Vyacheslav Ivanov and the Dionysisme: Disputatio Metaphysica et Culturalis</i> International Research Conference	194
S. V. Denisenko. <i>All the Delights of This World: Ecstasy in Literature and Art</i> Second April International Interdisciplinary Research Conference	196
E. D. Konusova. XXXIX Malyshev Research Conference.	201
Index of Contributions to <i>Russkaya Literatura</i> , 2015	205

Published under the Auspices of History and Philology Department
Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

S. G. BOCHAROV, N. A. BOGOMOLOV, M. GARZANITI, S. GARZONIO,
Vyach. Vs. IVANOV, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD, G. NIVAT, V. SCHMIDT, G. SMITH,
R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU, A. A. ZALIZNIAK

Editor-in-Chief V. E. BAGNO

Editorial Board:

I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), A. M. GRACHEVA,
N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA,
S. I. NIKOLAEV, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, N. N. SKATOV,
A. L. TOPORKOV, T. S. TSARKOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

139). Имя австрийского живописца А. Штейнакера, создателя двух небольших картин, украшающих гостиную в «спасском» доме Тургенева, вводит в научный оборот Н. В. Илюточкина («„Венгерские этюды” в экспозиции дома-музея И. С. Тургенева: к вопросу об установлении авторства», с. 140—145). Французский беллетрист, драматург и критик К. Мендес (1841—1909), прошедший по обочине тургеневской судьбы, — тема обстоятельного очерка Е. Н. Левиной «„Mon cher ami Ivan Tourgeniev...”» (об одном автографе в фондах музея-заповедника И. С. Тургенева „Спасское-Лутовиново”», с. 146—157). Кстати, именно так (не Tourguéniév) записал Мендес фамилию писателя на подаренном Тургеневу экземпляре своей книги (находится с 2009 года в Спасском-Лутовинове).

В заключение остановимся на завершающей 22-й выпуске «Спасского вестника» статье О. Г. Егорова (Москва) «Неоконченная книга о Тургеневе Льва Шестова» (с. 158—169). Эта статья — примечательное событие в современной тургеневоведении. Оригинальный мыслитель, «антифилософ», бунтарь в области мысли, напоминающий в этом отношении Ф. Ницше, Л. И. Шестов (1866—1938) пересмыслил наследие Тургенева в эпоху модерна. Традиционное мнение о Тургеневе как писателе социальном, «прогрессисте» и рационалисте в традициях Просвещения Шестов стремился опровергнуть, утверждая, что в конце жизни тот усомнился в прежних ценностях и обратился к элементарным, «последним» истинам — жизни, смерти, страху перед судьбой. Автор статьи пишет: «Шестов

не утверждает, что Тургенев пересмотрел свои взгляды незадолго до смерти. Он лишь заглянул в приоткрывшийся перед ним мрак небытия и испытал то же чувство, что и некоторые другие деятели европейской культуры, такие как Толстой, Достоевский и Ницше» (с. 166). Этот взгляд на Тургенева, — добавим мы, — время от времени возрождался в русском тургеневедении, проявившись, например, в книге В. Н. Топорова «Странный Тургенев» (1998). Соглашаясь с оценкой мнения Л. Шестова о Тургеневе в статье О. Г. Егорова как мнения оригинального, «нетрадиционного» и «нестандартного» (с. 168), считаем все-таки необходимым уточнить, что мнение этого мыслителя — голос вполне определенной исторической эпохи, увидевшей «крушение гуманизма». С точки зрения истории литературы не вполне корректно столь резко противопоставлять позднего Тургенева ему же, но более раннему, как это делал Л. Шестов и, может быть, автору статьи стоило бы более критически отнестись к неоконченной книге философа о писателе.

Подводя итог публикациям очередного «Спасского вестника», нельзя не отметить, помимо удачного подбора статей и отличных иллюстраций, что у самых разных участников издания заметен интерес к психологическим и этическим проблемам в наследии Тургенева. Если современники ценили Тургенева как изобразителя современной им русской жизни, то потомки все более склонны видеть в его творчестве так или иначе освещенные «вечные» вопросы о миссии человека в мире, о душе и ее тайнах.

© Б. В. Аверин, © Г. Н. Беляк

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЛАБИРИНТАМ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА*

Когда на исходе прошлого столетия масштаб творчества Вячеслава Иванова был заново открыт современной филологией, посвященные ему статьи, научные сборники, публикации стали появляться так часто, что можно было с полным основанием говорить об ивановском «буме». Никто, однако, не решался написать монографию об Иванове, проследив его творческий путь во всем объеме, от 1880-х до 1940-х годов. И это вполне понятно. Художественное творчество Иванова невозможно рассматривать вне контекста его философской эстетики и даже собственно философии. Между тем отсутствие систематического изложения философских взглядов

было принципиальной позицией Иванова, и потому их цельное понимание оказывается весьма сложной задачей. Трудность ее решения усугубляется тем, что ивановские опорные понятия имеют многосоставный генезис. Интерпретация каждого из них требует специального исследования: в творческом сознании Иванова античная философия и древнегреческая мистерия переплетаются с древнеиндийской религиозной мыслью, гностические тексты и средневековая алхимия — с традициями европейского визионерства и мистицизмом Нового времени, и т. д., и т. д.

На этом фоне недавно вышедшая книга С. Д. Титаренко «Фауст нашего века» — явление беспрецедентное по смелости поставленной в ней задаче, которая состоит в осмыслении разнородного массива философ-

* Титаренко С. Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 654 с.

ско-эстетических и художественных текстов Вячеслава Иванова как единого, связного и эволюционирующего целого.

Не удивительно поэтому, что книга начинается с обращения к ранним малоизученным произведениям 1880—1890-х годов, с установления тех источников формирования метафизической образности начинающего поэта, которые в дальнейшем определили логику развития его центральных символических сюжетов и конструкций. Уже раннее творчество Иванова отмечено интересом к синкретичной древней культуре. С пристальным вниманием Титаренко рассматривает выполненный им перевод фрагмента одного из ключевых концептуальных разделов Махабхараты — Бхагавадгиты, демонстрируя значимость древнеиндийской космологии для становления собственного философского языка Вячеслава Иванова.

Как определенную идеями религиозно-философского синтеза, в котором поэзия вновь обретет теургическую силу, интерпретирует Титаренко раннюю лирику поэта и его незавершенную поэму «*Ars Mistica*». Здесь, по мнению исследовательницы, впервые формируется один из центральных концептов философии Иванова — архетип соборности. В это же время возникает еще одна из центральных тем его творчества — подспудно сопряженная с пафосом соборного сознания тема Рима как вечного города и связанная с ней концепция вечного возвращения.

Ранний период творчества поэта Титаренко характеризует как «мимесис умопостигаемой мифопоэтической идеи, осуществляющийся через поиски архетипического (припоминания мистического события)» (с. 131). Следующий период — 1900—1910-е годы — она связывает с дионисийской моделью мифа и разработкой «*катарсического* способа „перехода“ от модели религиозного мифа к искусству и жизнетворчеству» (там же). К трудам Иванова, посвященным культуре Диониса, обращена вторая глава монографии.

Во всех культурных процессах Иванова интересовала их первопричина, или «прапричина», и потому главное вопрошание его философии — не «что есть?», но «как оно стало?». Закljučая книгу «Дионис и прадионисийство», он писал, что главная задача его исследования — «установить, описать и истолковать во всем его своеобразии некий творческий акт эллинского духа». ¹ Подобная установка давала современникам повод воспринимать его штудии не как научный труд, но как «игру в религию» или же форму индивидуального мифотворчества. Анализ, принятый Титаренко, позволяет со всей уверенностью сказать, что оформившаяся уже в рамках «Эллинской религии страдающего бога» ивановская концепция мифа как спе-

циальной формы реализации религиозно-мистического чувства, стала настоящим прорывом в гуманитарном знании. В частности, она предвосхитила юнговское учение об архетипах.

Публикация «Эллинской религии...» стала большим событием, повлиявшим на формирование философии символизма. Оценивая это влияние, Титаренко, с одной стороны, обращается к такому конкретному материалу, как блоквские пометы на полях этой публикации, с другой стороны, реконструирует восприятие Блоком идей Иванова или дает подробное сопоставление ивановских построений с религиозной философией Владимира Соловьева. Надо сказать, что последовательное рассмотрение оригинальной философии Иванова на фоне других значимых концепций того времени составляет одну из наиболее ценных особенностей книги «Фауст нашего века». Перед читателем открывается возможность осмыслить философскую эстетику Иванова как часть общего глобального процесса трансформации научного, религиозного, эстетического и поэтического самосознания в начале XX века.

Очертив круг основных смыслообразующих мотивов ивановского творчества, Титаренко обращается к подробному анализу поэтических сборников 1900—1910-х годов. Исследовательница переходит от одного сборника к другому и демонстрирует, как философская мысль, определяющая сквозные принципы ивановской стихотворной поэтики и законы циклообразования, ложится в основу формирования авторского творческого мифа. Принцип «диады», присущий античной мистерии, превращается у Иванова в такой способ построения символического языка, в котором всякая двойственность переходит из простого противопоставления в способ описания становящегося единства.

В исследовании показано, что процесс разворачивания мифа в литературное произведение происходит у Вяч. Иванова как движение от переживания к подражанию, затем реконструкции, стилизации, трансформации и, наконец, формированию авторских мифов. Герметическая логика этой системы очевидна, а мотив духовного восхождения человека к сфере божественного, лежащий в ее основе, можно назвать одним из центральных не только для творчества Иванова, но и для всей суммы религиозно-философских идей начала XX века, замешанных на рецепции новых эзотерических учений.

Всприятию тех учений и идей, которые принято характеризовать как эзотерические, посвящены следующие разделы монографии. Однако правильнее было бы говорить не об эзотеризме или оккультизме, но о вполне определенной философской традиции. Источком ее можно считать философию платонизма, которая через неоплатоническую и гностическую философию, средневековую мистику и учение Августина вновь воскресает

¹ *Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство*. СПб., 1994. С. 259.

ет в литературе преромантизма и романтической философии. Пафос преодоления рационализма, возникший к началу XX века, вновь делает эту традицию востребованной, она связывает воедино такие разрозненные явления, как эзотерика, неокантианство, герменевтика, антропософия, феноменология, новая религиозная философия и новая космология.

Европейская культура на рубеже XIX и XX веков обнаружила себя стоящей перед лицом задачи, титанической по своим масштабам. Для представителей самых разных отраслей знания стала очевидной необходимость глобального осмысления всей истории европейской цивилизации как единой истории становления и развития человеческого духа. Начало XX века — время появления новых фундаментальных теорий как в области точных наук, так и в области наук гуманитарных — наук о духе. И одной из таких теорий, воплотившейся разом в трудах сотен ученых, было новое рождение науки о мифе. Книга Титаренко позволяет увидеть, насколько важное место занимает здесь творчество Вячеслава Иванова, в течение многих десятилетий остававшееся в тени. Так сложилось, что полифонизм романов Ф. М. Достоевского был открыт для нас М. М. Бахтиным, понятие «основного мифа» — Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым, концепция мифологических архетипов ассоциируется в первую очередь с именем Юнга. Между тем все эти идеи были предвосхищены или воплощены в трудах Вячеслава Иванова. Не случайно его считал своим учителем А. Ф. Лосев, а Бахтин и Е. М. Мелетинский во многом переосмыслили его идеи. Однако от многих других ученых Иванова отличало то, что миф для него — не объект изучения и не элемент древней культуры, но непосредственный и живой способ осуществления его собственного «внутреннего восхождения».

В предисловии к своей книге Титаренко приводит поразительное по искренности и глубине автобиографическое признание Вяч. Иванова: «Я, быть может, как никто из

моих современников, живу в мифе — вот в чем моя сила. Вот чем я человек нового начинающегося периода. Ибо, если по Конту, мир в своем развитии проходит через фазы: мифологическую, теологическую и научную, то ныне наступают сроки новой мифологической эпохи. И я являюсь, быть может, одним из самых первых вестников этой грядущей эпохи. И тогда, когда она настанет, меня впервые должным образом оценят» (с. 6). Исследование Титаренко помогает осмыслить это признание. Вяч. Иванов — крупный ученый, но у него есть качество, которое считается вредоносным для исследования. Познание, по Иванову, это всегда самопознание, путешествие по тайникам собственного душевного лабиринта. Так, например, он писал, что дионисийское начало в мифе «может быть многообразно описываемо и формульно определяемо, но вполне раскрывается только в переживании».²

Философия Вячеслава Иванова не может быть понята вне его художественного творчества, поскольку является выражением того особого способа отношения с самим собой, миром и Богом, который предполагает, что каждое мгновение содержит в себе память обо всей истории человеческого сознания и всякое событие этой истории есть лишь проекция вечной борьбы материи и духа.

В книге «Фауст нашего века» читатель не найдет краткого концептуального осмысления всего ивановского творчества. Однако невероятно обширное наследие Вячеслава Иванова, представленное с учетом внутренней логики его становления и описанное в рамках одного фундаментального исследования, позволяет получить, как кажется, куда более цельное представление о метафизической громаде ивановской мысли, нежели на то способна любая концептуальная схема.

² Иванов В. И. Ницше и Дионис // Иванов В. И. По звездам. Борозды и меж. М., 2006. С. 31.

© М. В. Михайлова

ЛИРИЧЕСКОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ КАК ОСНОВА ОСНОВ*

Термин «лиризм» — нечастый гость на страницах литературоведческих сочинений. Можно буквально по пальцам пересчитать работы, где рассматривается это понятие применительно к какому-либо литературному

* Шевчук Ю. В. Лиризм в поэзии Серебряного века (И. Анненский и А. Ахматова): монография. М.: СОВПАДЕНИЕ, 2015. 544 с.

явлению (см., например, статью Н. К. Пиксанова «Лиризм в творчестве В. Г. Короленко»¹), причем чаще всего оно выступает как синоним или лирического начала в произве-

¹ От Грибоедова до Горького. Из истории русской литературы. К 100-летию со дня рождения Н. К. Пиксанова: Межвуз. сб. Л., 1979.